

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY**<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.438-462>EDN: <https://elibrary.ru/szlsep>

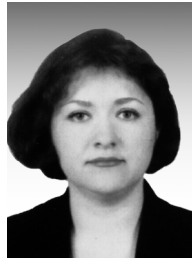
УДК / UDC 316.334.22:339.175

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Противоречия рынка труда в условиях гиг-экономики:
особенности российской модели****Е. А. Колесник**

*Тюменский индустриальный университет
(г. Тюмень, Российская Федерация)
kolesnikea@tyuiu.ru*

Аннотация

Введение. Активное развитие гиг-экономики в России сопровождается возникновением противоречий (институциональных, экономических, социальных и организационных) на рынке труда, что обуславливает их комплексный анализ с учетом глобальных вызовов и национальной специфики. Цель исследования – выявить главные противоречия рынка труда в условиях гиг-экономики и проанализировать особенности их проявления в российской модели.

Материалы и методы. Методология исследования основана на системном подходе, объединяющем теорию трансформации труда, институциональную теорию и региональный анализ. Применены методы сравнительного анализа (фриланса и платформенной занятости в России и за рубежом, правового регулирования), статистического анализа (данных Росстата, фриланс-платформ и аналитических отчетов), контент-анализа научных публикаций, анализа поисковых запросов (Google Trends), а также качественный метод (типологизация противоречий). Это позволило выявить ведущие тенденции и предложить системное понимание трансформации рынка труда под влиянием гиг-экономики.

Результаты исследования. Разработана типология противоречий гиг-экономики, включающая универсальные и специфические аспекты фриланса и платформенной занятости. Обнаружены различия в проявлении противоречий в зависимости от формы занятости. Показано, что в России гиг-экономика развивается динамично, но неравномерно: фриланс демонстрирует рост, тогда как платформенная занятость сокращается, сохраняя значимость для отдельных демографических групп. Выявлены рост интереса к фрилансу и самозанятости, а также региональные диспропорции в развитии платформенной занятости.

Заключение. Результаты имеют практическую значимость для выявления системных проблем гиг-экономики; могут быть полезны государственным органам, бизнес-структурам и научному сообществу в контексте формирования политики в сфере труда. Перспективы исследований связаны с углубленным изучением влияния цифровизации на рынок труда, а также с поиском баланса между гибкостью занятости и устойчивостью трудовых отношений.

© Колесник Е. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: фриланс, платформенная занятость, трансформация трудовых отношений, правовая неопределенность, регуляторные вызовы, региональная дифференциация, региональные диспропорции

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Колесник Е.А. Противоречия рынка труда в условиях гиг-экономики: особенности российской модели. *Регионоведение.* 2026;34(2):438–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.438-462>

Contradictions of the Labor Market in the Gig Economy: Features of the Russian Model

E. A. Kolesnik

*Industrial University of Tyumen
(Tyumen, Russian Federation)
kolesnikea@tyuiu.ru*

Abstract

Introduction. Russia's active economic development presupposes the interaction of contradictory factors (institutional, economic, social, and organizational) in the labor market, necessitating a comprehensive analysis that takes into account challenges and national specifics. The purpose of this study is to identify the main contradictions in the labor market in the gig economy and examine how they manifest themselves in the Russian model.

Materials and Methods. The research methodology is based on a systems approach, combining labor transformation theory, institutional theory, and regional analysis. Methods employed include comparative analysis (of freelancing and platform employment in Russia and abroad, and legal regulation), statistical analysis (Rosstat data, freelancing platforms, and analytical reports), content analysis of scientific publications, search query analysis (Google Trends), and a qualitative method (typification of contradictions). This allowed us to identify key trends and offer a systemic understanding of the transformation of the labor market under the influence of the gig economy.

Results. A typology of gig economy contradictions has been developed, encompassing universal and specific aspects of freelancing and platform employment. Differences in the manifestation of these contradictions are identified depending on the form of employment. It is shown that the gig economy in Russia is developing dynamically but unevenly: freelancing is growing, while platform employment is declining, although it remains significant for certain demographic groups. A growing interest in freelancing and self-employment, as well as regional disparities in the development of platform employment, are identified.

Conclusion. The results have practical significance for identifying systemic problems in the gig economy and may be useful for government agencies, businesses, and the scientific community in developing labor policy. Future research opportunities lie in an in-depth study of the impact of digitalization on the labor market, as well as in finding a balance between employment flexibility and the sustainability of labor relations.

Keywords: freelancing, platform employment, transformation of labor relations, legal uncertainty, regulatory challenges, regional differentiation, regional disparities

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Kolesnik E.A. Contradictions of the Labor Market in the Gig Economy: Features of the Russian Model. *Russian Journal of Regional Studies.* 2026;34(2):438–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26342.438-462>

ВВЕДЕНИЕ

Форма труда, выступающего фундаментальной основой хозяйственных отношений, непрерывно видоизменяется: от примитивного собирательства и феодального ремесла до индустриального конвейера и цифровых платформ. Гиг-экономика, базирующаяся на временных и гибких моделях занятости, представляет собой новый этап трансформации, бросая вызов традиционным

представлениям о работе. Ее возникновение предопределено стремительной диффузией цифровых технологий, интернет-платформ и онлайн-сервисов, предложивших альтернативу стандартной занятости в виде фрагментированного труда без долгосрочных обязательств. По сути, гиг-экономика переопределила содержание труда: с одной стороны, редуцировала его до набора микрозадач, с другой, – обеспечила мобильное и дистанционное включение работников в бизнес-процессы.

В научном дискурсе до сих пор отсутствует унифицированный понятийный аппарат. Такие дефиниции, как «экономика краткосрочных контрактов», «экономика свободного заработка», «платформенная экономика с нестандартными трудовыми отношениями», нередко используются как взаимозаменяемые, что свидетельствует о незавершенности концептуального осмысления. Так, авторы в Европейском союзе чаще оперируют термином *platform work*¹, в США – *gig-economy*², в развивающихся странах – *digital labour platforms*³; в России – «гиг-экономика»⁴, «платформенная занятость»⁵, или «гигономика» [1].

Ввиду новизны трактовки разнятся. За рубежом под гиг-экономикой подразумевается ряд рабочих механизмов, которые ранее обозначались как ненадежные, гибкие и условные [2]; система, представляющая значительную трансформацию в обмене рабочей силой и услугами, доступными через цифровые платформы⁶; различные побочные действия, выполняемые на контрактной основе [3]. В отечественных исследованиях – «гибкий формат включения в рынок труда, предполагающий использование онлайн-платформы в качестве посредника»⁷ и «нестандартная форма занятости, когда организации (лица) применяют онлайн-платформу для доступа к другим организациям (лицам) в обмен на оплату» [4, с. 23].

Неоднородность подходов обусловлена новизной концепции, а также различиями в социально-экономических контекстах. Сложившаяся дискуссия формирует двойственность: с одной стороны, акцент на угрозах, с другой – на возможностях.

При этом результаты, связанные с гиг-экономикой, впечатляют. Согласно Business Research Insights, ее мировой объем составил 355 млрд долл. США в 2021 г.; к 2028 г. прогнозируется рост до 873 млрд долл. США при среднегодовом

¹ Knowledge Sharing Platform [Online]. Available at: <https://iskm.issa.int/node/14614> (accessed 24.05.2025).

² Gig Economy: A Research Guide [Online]. Available at: <https://guides.loc.gov/gig-economy/gig-types> (accessed 24.05.2025).

³ ILO Report: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work [Online]. Available at: <http://onlinelabourobservatory.org/paper/ilo-weso-report-2021/> (accessed 24.05.2025).

⁴ В гиг-экономике вовлечен каждый [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4474605> (дата обращения: 24.05.2025).

⁵ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500750> (дата обращения: 24.05.2025).

⁶ Yunita F.T. Embracing the Gig Economy. *Indonesian Journal of Law and Society*. 2023;4(2):1–4. <https://elibrary.ru/qtqlts>

⁷ Синяевская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П. и др. Платформенная занятость: определение и регулирование. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2021. URL: <https://clck.ru/3TqWzQ> (дата обращения: 24.05.2025).

темпе около 16,18 %⁸. World Bank Group фиксирует, что положительная динамика формируется повышенным спросом на платформенную занятость: с 2016 по 2023 г. потребность выросла на 41 %, а в долгосрочной перспективе может превзойти ожидания, поскольку данный вид занятости растет в три раза быстрее, чем традиционные формы.

По разным оценкам, платформенной занятостью охвачены от 154 до 435 млн чел.⁹ и на нее приходится около 12 % мировой рабочей силы. Cognitive Market Research указывает, что в 2024 г. объем рынка цифровых платформ составил 12 518,5 млн долл. США; в 2024–2031 гг. среднегодовой темп прироста достигнет 14,00 %¹⁰, а к 2035 г. в мире будет насчитываться 1 млрд гиг-работников¹¹.

Таким образом, стремительное развитие гиг-экономики трансформирует сферу труда, перестраивая традиционные трудовые отношения. Несмотря на неоднозначные последствия (социальную незащищенность, нестабильность доходов, ухудшение условий труда), данная модель демонстрирует выгоды, способствующие ее дальнейшему распространению. Прогнозируется, что гиг-экономика сохранит актуальность и усилит роль в формировании рынка труда.

Однако ее становление как инновационной и гибкой формы занятости сопряжено с глубокими системными противоречиями. Их изучение позволяет не только уяснить текущие вызовы, но и подчеркивает: когда гиг-экономика становится неотъемлемым элементом глобальной занятости, ее научное осмысление превращается в императив устойчивого развития трудовых отношений в XXI веке.

Цель исследования – выявление специфики российской модели гиг-экономики сквозь призму системных противоречий рынка труда.

Гипотеза исследования: развитие гиг-экономики в России порождает противоречия между потребностями гибкого рынка труда и сохраняющимися институциональными ограничениями, специфичными для российской социально-экономической модели.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В оценках характера гиг-занятости российские и зарубежные исследователи демонстрируют конвергенцию, однако расставляемые ими акценты различаются. Если первые чаще выводят на передний план институциональные лакуны и несоответствие сложившихся трудовых норм реалиям, то вторые фокусируются на конфликте между глобальной архитектурой цифровых платформ и локальными регуляторными системами. Общим становится признание того, что гиг-экономика является катализатором глубинных противоречий, выступая своеобразным стимулятором следующего спектра дисбалансов.

⁸ Gig Economy Market Report Overview [Online]. Available at: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/gig-economy-market-102503> (accessed 24.05.2025).

⁹ World Development Report 2019. The Changing Nature of work [Online]. World Bank Group : website. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019> (accessed 24.05.2025).

¹⁰ Digital Platforms Market Report 2025 (Global Edition) [Online]. Cognitive Market Research and Consulting : website. Available at: <https://www.cognitivemarketresearch.com/digital-platforms-market-report> (accessed 25.05.2025).

¹¹ Модные и бездомные: как цифровая экономика изменила стиль жизни и географию деловых людей [Электронный ресурс]. Forbes : сайт. URL: <https://clc.li/COYMA> (дата обращения: 27.05.2025).

Противоречия глобального и локального порождают эффекты синергии, а также устойчивые дисбалансы. Основное противоречие заложено в природе цифровых платформ. Будучи глобальными по охвату, они трансформируют локальные рынки труда, открывая работникам доступ к международным заказам и одновременно усиливая конкуренцию, что на локальном уровне оборачивается снижением заработной платы и ухудшением условий занятости [5].

Данный тезис развивают зарубежные авторы [6], подчеркивая разрыв между глобальными возможностями и локальными системами социальной защиты. Гиг-работники оказываются включенными в глобальную экономику, но при этом несут локализованные риски, не компенсируемые традиционными механизмами – гарантиями занятости, пенсионными отчислениями, медицинским страхованием. Исследователи, М. Спенджер и М. Андерсен, указывают на фундаментальное несоответствие между безграничностью цифровых рынков труда и ограниченностью локальных регуляторных систем, что порождает «правовые вакуумы» и ставит под вопрос устойчивость самой модели гиг-экономики [3].

Институциональные и правовые разрывы. Наиболее острым представляется несоответствие трудового законодательства стремительно меняющейся структуре занятости. Зарубежные ученые выделяют нарастающий конфликт с традиционными институтами на правовом уровне, основа которого – правовая неопределенность статуса гиг-работника в отсутствие единого понимания в разных юрисдикциях [7].

А. Рюйтер и М. Браун концентрируются на конфликте между гибкостью гиг-работы и бинарной моделью «работник – работодатель». Отмечается, что платформы, выступая лишь посредниками, снижают уровень ответственности за условия труда и социальные риски, и это позволяет обходить трудовое законодательство и провоцирует «регуляторный арбитраж» (т. е. выбор компаниями юрисдикций с наиболее мягким законодательством) [2].

Российские исследователи, в свою очередь, обращают внимание на специфические для национального контекста пробелы. Так, А. Е. Пономарченко констатирует отсутствие единого статуса занятости при формальном нежелании многих гиг-работников переходить в традиционные трудовые отношения и одновременной потребности в защите прав [8]. Возникает парадокс: независимость оборачивается невозможностью отстаивать права при их нарушении. Подчеркивается, что новые формы занятости развиваются вразрез институционализации и институциональному регулированию организации труда [9]; наличие лагун в трудовых отношениях порождает правовую неопределенность для обеих сторон [10].

Таким образом, гиг-экономика разрушает традиционные механизмы коллективной защиты. Профсоюзы и социальное партнерство замещаются индивидуальными контрактами, атомизация труда лишает работников возможности совместно отстаивать интересы [11]. Индивидуальная гибкость оборачивается социальной незащищенностью, что требует переосмысления моделей трудовых отношений.

Экономические и социальные дисбалансы. Выделяется также устойчивый «парадокс финансов и безопасности» [12; 13] – несоответствие между потенциальными экономическими выгодами и реальными социальными рисками

гиг-занятости. В частности, К. Эйприл ослабление трудовых гарантий видит системной проблемой [14]. Этот парадокс определяется как противоречие между декларируемой свободой и фактическим ухудшением экономического положения, особенно в периоды нестабильности [9; 10; 15]. Следствием становится фактическая «приватизация рынка труда», т. е. формирование нового, улучшенного, рынка ««нетто-труда», очищенного от социальных выплат» [16, с. 64].

Одновременно в гиг-секторе усиливается риск прекаризации занятости. В зарубежных исследованиях отмечается, что это прямая угроза экономическому благосостоянию работников, переводящая их в разряд прекариата с высокими рисками бедности и профессиональной деградации [17; 18]. В долгосрочной перспективе данный процесс может привести к снижению квалификации рабочей силы и росту социального неравенства. По мнению К. Эйприла, гиг-экономика подрывает базовые принципы достойного труда, закрепленные в международных нормах, что способствует формированию «цифрового прекариата» [14] – слоя работников с повышенной уязвимостью (низкой оплатой труда, нестабильным графиком работы, краткосрочными контрактами, ограничением доступа к соцзащите).

Подобные модели не согласуются с традиционными принципами, на которых выстроены трудовые отношения в России, усиливают социально-трудовую и экономическую нестабильность [9; 10]. И зарубежные, и отечественные ученые указывают на углубление социального неравенства, рост разрыва между высоко- и низкооплачиваемыми работниками [18; 19], причем поляризация усугубляется различиями по полу и стране рождения, создавая «пересекающееся неравенство» [20].

Организационные и коммуникативные противоречия, касающиеся автономии работника и алгоритмического управления. Указывается, что гиг-работа создает лишь иллюзию свободы. Формальная самостоятельность в выборе заданий и графика сопровождается тотальным цифровым контролем, алгоритмическим диктатом, распределением заказов и определением оплаты без возможности влиять на условия занятости¹² [21; 22]. Это способствует «произволу» платформ-агрегаторов¹³ и разрушению традиционных социально-трудовых гарантий.

Кроме того, в смешанных командах возникают организационно-управленческие противоречия. Гиг-работники редко проникаются ценностями компании, воспринимаются штатными сотрудниками как дополнительная нагрузка, их сложнее координировать, что замедляет процессы и удлиняет производственный цикл¹⁴.

Таким образом, хотя российские и зарубежные исследователи едины в признании гиг-экономики глобальным вызовом, масштаб ее трансформационного воздействия остается предметом научной дискуссии. В имеющейся литературе преобладает общая констатация противоречий между глобальным и локальным либо фрагментарное описание отдельных дисбалансов – правовых,

¹² Кубишин Е.С. Условия труда и новые формы нестандартной занятости в контексте развития человеческого потенциала России: Препринт научного доклада. М.: Институт экономики РАН; 2023. С. 47–48. URL: https://inecon.org/docs/2023/Kubishin_paper_2023.pdf (дата обращения: 24.05.2025).

¹³ Емельянова О.Я., Кравец М.А., Самсонов В.С., Шершень И.В. Адаптация работников в условиях gig-экономики: монография. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т; 2021. 176 с. <https://elibrary.ru/fwrmcd>

¹⁴ Легчилина Е.Ю. Инновации в системе социально-трудовых отношений в условиях развития gig-экономики. В кн.: Инновационные проекты и технологии в образовании, промышленности и на транспорте: материалы научной конференции, посвященной Дню Российской науки. Омск, 07 февраля 2014 года. Омск; 2021. С. 382–387. <https://elibrary.ru/fvidpl>

экономических, организационных. Системный анализ взаимосвязи указанных противоречий применительно к российскому рынку труда отсутствует. Выявленный пробел обосновывает необходимость разработки авторского подхода к типологизации противоречий гиг-экономики и их эмпирической верификации на российских данных.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн и теоретико-методологическая основа исследования. Работа выполнена в рамках системного подхода. Гиг-экономика рассматривалась как сложная динамичная система, включающая институциональные, экономические, социальные и организационные аспекты.

В основу методологии легли теория трансформации труда (анализ изменений в организации и содержании трудовой деятельности), институциональная теория (изучение формальных и неформальных правил, регулирующих занятость) и региональный анализ (оценка пространственной дифференциации показателей).

Эмпирическую базу исследования составили:

1) сведения Росстата (итоги выборочного обследования рабочей силы за 2022–2024 гг.¹⁵) по численности платформенных занятых в разрезе возрастных групп, уровня образования, пола и федеральных округов;

2) данные фриланс-платформ и аналитических агентств (FL.ru, KWork, Solar Staff)¹⁶, совместного мониторинга Data Insight и Avito¹⁷, а также исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), PwC, Statista, Национальной гильдии фрилансеров;

3) агрегированные показатели Google Trends по России за 2020–2025 гг. по запросам «фриланс», «самозанятость», «дистанционная работа» (с региональной детализацией)¹⁸;

¹⁵ Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁶ FL.ru Анализ сайта [Электронный ресурс]. Similarweb : сайт. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/fl.ru/#overview> (дата обращения: 24.05.2025) ; Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. KWork : сайт. URL: <https://kwork.ru/categories/analytics> (дата обращения: 24.05.2025) ; Фриланс [Электронный ресурс]. TAdviser : сайт. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Фриланс> (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁷ Тема «фрилансеры» [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/keywords/5022072/> (дата обращения: 24.05.2025) ; Фрилансерам обещают больше работы. Мониторинг рынка труда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4692772> (дата обращения: 24.05.2025) ; Number of Freelancers in Russia from 2014 to 2023 [Online]. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1206709/number-of-freelancers-russia/> (accessed 29.06.2025) ; Итоги года: Российский рынок фриланса в 2024 году [Электронный ресурс]. URL: <https://гильдия-фрилансеров.рф/post/itogi-goda-rossiyskiy-rynok-frilansa-v-2024-godu-122> (дата обращения: 04.05.2025) ; Маркетинговое исследование Российский рынок услуг. Самозанятые исполнители и микробизнес 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/DI_Avito_Services (дата обращения: 14.04.2025).

¹⁸ Именно они наиболее полно отражают поведенческие стратегии населения в сегменте гиг-занятости: «фриланс» фиксирует интерес к занятости вне трудового договора; «самозанятость» связана с легализацией доходов через соответствующий налог; «дистанционная работа» отражает спрос на удаленный формат (который может реализовываться как в гиг-формате, так и в рамках традиционной занятости, однако в контексте гиг-экономики интерпретируется с учетом платформенных и фриланс-моделей). Запрос «платформенная занятость» не был включен в анализ из-за отсутствия значимого количества поисковых запросов, что также является диагностическим признаком низкой информированности населения либо слабой укорененности данной терминологии в массовом сознании.

4) российские и зарубежные публикации по проблематике гиг-экономики за 2015–2025 гг. (категории контент-анализа: институциональные, экономические, социальные, организационные противоречия).

Итоговая информационная база представляет собой комбинацию количественных панельных (по регионам и годам) и качественных (тексты публикаций, результаты поисковых запросов) данных. Поскольку официальная статистика не ведет системный учет фрилансеров, а методологии учета платформенной занятости различаются, применялось сопоставление данных из разных источников.

Этапы эмпирического анализа. На первом проведен сравнительный анализ двух основных форм гиг-занятости (фриланса и платформенной занятости), а также их проявлений в России и зарубежных странах. Сравнение осуществлялось по единым критериям: форме организации труда, порядку выбора заказов, способу оплаты, типу правового регулирования, механизмам контроля качества, наличию социальных гарантий, уровню доходов и региональному распределению. На этой основе выделены общие тенденции и национальные особенности.

Термин «фриланс» применяется для описания формы вольнонаемного труда, характеризующейся автономностью и отсутствием жесткой привязки к конкретному рабочему месту [23, с. 162].

Второй этап включал статистический анализ. Обработаны количественные данные по динамике численности гиг-работников (в абсолютных и относительных показателях), их доходам (интервальным распределениям, структурным сдвигам, процентным изменениям), а также региональному распределению (доле по федеральным округам). Расчеты выполнены с использованием описательной статистики.

На третьем этапе проводился контент-анализ научных публикаций. Были отобраны источники: российские и зарубежные статьи, отчеты. Категории операционализированы через конкретные индикаторы, например «правовая неопределенность» фиксировалась как отсутствие четкого статуса, пробелы в законодательстве, коллизии с налогообложением. Проведено кодирование: количественный подсчет упоминаний и качественная интерпретация контекста (в рамках институциональной теории и теории трансформации труда).

На последнем, четвертом, этапе анализировались поисковые запросы (Google Trends)¹⁹. Оценивалась динамика интереса к запросам «фриланс», «самозанятость», «дистанционная работа» по России в целом и в региональном разрезе за 2020–2025 гг.

Регионы для анализа отбирались по следующим критериям: наличие статистически значимого объема поисковых запросов (не менее 100 баллов по шкале Google Trends за отдельные периоды); географическое покрытие (все федеральные округа РФ); контрастность паттернов (по каждому типу запросов включены регионы-лидеры, а также со средними и низкими показателями для сопоставительного анализа). Дополнительно учитывалась возможность интерпретации полученных данных в контексте социально-экономических

¹⁹ Данные по платформенной занятости не вошли в анализ из-за отсутствия значимых запросов (например, «платформенная занятость», «работа на платформах»), связанных с этим видом деятельности; учтена возможная погрешность из-за нерепрезентативности выборки.

характеристик (уровня безработицы, долговой нагрузки, развития цифровой инфраструктуры).

Использование эмпирических и теоретических методов исследования позволило зафиксировать и описать выявленные особенности функционирования рынка труда в условиях гиг-экономики, а также теоретически осмыслить факторы, влияющие на его развитие. Применялись метод систематизации, системный анализ, синтез, индуктивный и дедуктивный методы, обобщение, анализ документов.

Конкретизация абстрактных понятий подразумевала аспекты: формы занятости (традиционного фриланса (самостоятельный поиск проектов) и платформенной занятости (выполнение задач через цифровые сервисы)); правовое регулирование (анализ законодательных норм, регулирующих гиг-экономику, а также статуса работников (самозанятые, индивидуальные предприниматели (ИП), наемные сотрудники)); социальные гарантии (оценка доступа к социальным гарантиям и механизмам защиты трудовых прав).

На основе эмпирических данных проведена кластеризация противоречий по тематическим блокам; интерпретированы расхождения между прогнозами аналитических агентств и официальной статистикой Росстата.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Институционализация гиг-занятости в России: этапы и правовые коллизии. Активная фаза институционального оформления гиг-занятости в России приходится на 2020–2021 гг. Ее предпосылки сформировались в ходе предшествовавших экономических и технологических сдвигов.

Катализатором расширения фриланс-сектора выступил мировой финансовый кризис 2008 г., когда численность занятых в секторе достигла 8,6 тыс. чел., причем 22 % из них относились к категории «чистых фрилансеров»²⁰, преимущественно сконцентрированных в сфере информационных технологий, дизайна, мультимедиа и инжиниринга.

Уже на этом этапе проявилась первая коллизия: фактическое присутствие гибких форм занятости не сопровождалось ни их правовой идентификацией, ни включением в систему трудовых отношений.

Следующий этап институционализации связан с попыткой легализации самозанятости. В 2017 году официальный статус «самозанятый» был введен для отдельных категорий (репетиторов, нянь, сиделок, уборщиков), однако данное решение имело ограниченный и, по сути, экспериментальный характер.

Принципиальным сдвигом стало внедрение в 2019 г. налога на профессиональный доход. Это упростило налоговое администрирование и одновременно закрепило правовую амбивалентность, поскольку гиг-занятые оказались в легальном поле без полноценного трудового статуса (в том числе без социальных гарантий и защиты от дискриминации).

Параллельно государство активизировало поддержку цифровой трансформации рынка труда. В 2017 году была утверждена программа

²⁰ Стребков Д., Шевчук А. Итоги «Первой всероссийской переписи фрилансеров» в диаграммах и графиках [Электронный ресурс]. URL: http://st.free-lance.ru/users/admin/upload/f_4a4cba30b88c9.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

«Цифровая экономика», а Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ обозначило платформенную занятость как один из основных драйверов экономического роста до 2030 г.²¹ В рамках Российской ассоциации электронных коммуникаций формировались отраслевые кластеры, ориентированные на решение системных проблем цифровизации, что свидетельствовало о консолидации интересов государства и бизнеса.

Однако и здесь возникла коллизия между стратегическими нарративами и фактическим регулированием. Попытка законодательного оформления платформенной занятости в проекте федерального закона²² не увенчалась успехом. Механизмы ее функционирования и контроля продолжают существовать в правовом вакууме.

Самозанятость как специальный налоговый режим получила закрепление в федеральном законе²³, и гиг-занятые были интегрированы в правовое поле, но без распространения на них норм трудового законодательства. Указанная двойственность составляет центральное противоречие на современном этапе.

Эволюция новых форм занятости демонстрирует переход от ситуативных адаптационных механизмов к частичной институционализации, тогда как отсутствие комплексного регулирования (на уровне занятости и в отраслевом разрезе) свидетельствует о незавершенности процесса. Это порождает структурные проблемы на российском рынке труда, особенно в контексте региональной дифференциации и внешнеэкономических ограничений.

Российский фриланс в условиях гиг-экономики: тренды и противоречия.

Хотя в академическом дискурсе термин «фриланс» применяется активно, в российской правовой системе его определение отсутствует. С позиций гражданского и налогового законодательства фрилансер может действовать как индивидуальный предприниматель, самозанятое либо физическое лицо без специального налогового режима. Подобная правовая неоднозначность создает противоречие между теоретическим пониманием фриланса как гибкой формы занятости и его фактическим регулированием. Дополнительным фактором неопределенности выступает отсутствие системного учета фрилансеров в официальной статистике, что ведет к искажению реальных масштабов занятости, несовершенству регулирования и социальным рискам.

Тем не менее аналитические материалы позволяют зафиксировать значимые тенденции в развитии фриланс-сектора. Согласно данным биржи FL.ru, численность зарегистрированных фрилансеров выросла с 500 тыс.

²¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 7 от 04.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Tp7DW> (дата обращения: 29.05.2025); План структурных изменений в российской экономике до 2030 года: утв. протоколом заседания Правительства РФ от 27.11.2025 № 41 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413219438/> (дата обращения: 29.05.2025).

²² О занятости населения в Российской Федерации: проект федерального закона № 275599-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 29.05.2025).

²³ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ [Электронный ресурс]. Рос. газ. URL: <https://pressa.ru/ru/reader/#/magazines/rossijskaya-gazeta/issues/270-2018/pages/11/> (дата обращения: 29.05.2025).

в 2011 г. до 4,9 млн в 2021 г., т. е. в 9,8 раза²⁴. Этому способствовали цифровизация экономики, а также регуляторные меры. Пандемийный период 2020–2022 гг., по оценкам PwC, привел к увеличению числа фрилансеров почти втрое (с 5 до 14 млн), что соответствовало около 20 % занятого населения²⁵. Платформа KWork зафиксировала рост спроса на услуги на 93 % и увеличение числа исполнителей на 128 %²⁶.

В 2023–2024 годах наблюдались структурные сдвиги. Statista оценила численность фрилансеров в России в 2023 г. в 19 млн²⁷. В 2024 году 81 % услуг в сфере электронной коммерции (Wildberries, Ozon и др.) оказывался фрилансерами, причем спрос на их поддержку вырос на 50 %²⁸. Число российских компаний, привлекающих фрилансеров, в 2024 г. по сравнению с 2023 увеличилось на 1,26 %²⁹.

Одновременно происходила технологическая трансформация. Количество услуг, связанных с искусственным интеллектом, на фриланс-платформах удвоилось, а заказы на них выросли на 37 %³⁰. Лидерство по востребованности сохраняют информационные технологии (36 % от общего объема заказов³¹), что коррелирует с глобальным трендом на гибридизацию цифровых навыков.

Кроме того, обозначилась специализация услуг по отраслевому принципу. Наиболее динамично развивались цифровой маркетинг и электронная коммерция (по данным KWork, за 2024 г. спрос на продвижение на маркетплейсах Wildberries и Ozon вырос на 53 и 45 % соответственно³²), а также сектора комплексных решений. Появились новые бизнес-модели: «гибридные команды» (в крупных компаниях), специализированные платформы-агрегаторы (Toptal Russia и Workspace для IT-фриланса; YouDo, Workzilla и Kwork для e-commerce), увеличение контрактных сроков (свыше 6 месяцев).

Динамика доходов фрилансеров представлена в таблице 1. Данные свидетельствуют о тенденции к росту доходов фрилансеров, причем их величина варьируется в зависимости от специализации и рынка заказчиков. Средний доход вырос на 40–60 % и более; высококвалифицированные специалисты в области информационных технологий и фрилансеры, работающие с иностранными клиентами, зарабатывают существенно выше среднего по рынку уровня. Гиг-экономика, таким образом, создает парадокс: расширяя возможности для получения дохода

²⁴ Путь в 16 лет. Как развивался фриланс в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fl.ru/freelance-history/> (дата обращения: 29.05.2025).

²⁵ Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35?from=copy> (дата обращения: 29.05.2025).

²⁶ Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года [Электронный ресурс]. KWork.Блог : сайт. URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/analiz-rynka-frilansa-itogi-2024-goda> (дата обращения: 29.05.2025).

²⁷ Number of Freelancers in Russia from 2014 to 2023...

²⁸ Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года...

²⁹ Спрос на фрилансеров в России в 2024 году стабильно растет [Электронный ресурс]. КО : сайт. URL: <https://ko.ru/news/spros-na-frilanserov-v-rossii-v-2024-godu-stabilno-rastet/> (дата обращения: 29.05.2025).

³⁰ Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года...

³¹ Рынок фриланса 2025: итоги года от Kwork [Электронный ресурс]. KWork.Блог : сайт. URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/rynok-frilansa-2025-itogi-goda-ot-kwork> (дата обращения: 30.12.2025).

³² Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года...

(в том числе через статус самозанятого), она одновременно углубляет внутренние противоречия фриланса, превращая его из гибкой формы занятости в модель «устойчивой неустойчивости» с поляризацией доходов и отсутствием трудовых прав у большинства занятых.

Таблица 1. Структура и динамика ежемесячных доходов фрилансеров, по данным аналитических источников

Table 1. Structure and dynamics of freelancers' monthly income based on analytical sources

Источник данных / Data source	Интервал доходов, руб. / доля респондентов, % / Income range, rubles / share of respondents, %	Период, лет / Period, years	Динамика доходов (2023→2024), руб. / доля респондентов, % / Income dy- namics (2023→2024), rubles / share of respon- dents, %
Solar Staff	41 000 – 200 000 / Н/д / n/a	2024	+ 30 000 – 75 000 / Н/д / n/a
Kwork	100 000 – 326 000 / Н/д / n/a	2024/2023	+ / 54; = / 24; – / 22
Национальная гильдия фрилансеров / National Guild of Freelancers	< 30 000 / 46; 30 000 – 60 000 / 22; 60 000 – 100 000 / 13; > 100 000 / 19	2024/2023	+ / 28; = / 45; – / 27
Finder.vc	< 20 000 / 77; 150 000 – 250 000 / 6	2024	Н/д / n/a

Примечания: 1) данные за 2023–2024 гг. представлены в сравнительном формате, однако методологии сбора и обработки данных у источников различаются (разный состав выборки, критерии отбора респондентов, способы агрегации доходов). Прямое сопоставление абсолютных значений не рекомендуется; таблица предназначена для выявления общих трендов; 2) «Н/д» – нет данных; 3) все доходы указаны в рублях, без учета инфляции.

Notes: 1) data for 2023–2024 are presented in comparative format, however, data collection and processing methodologies differ across sources (different sample composition, respondent selection criteria, income aggregation methods). Direct comparison of absolute values is not recommended; the table is intended to identify general trends; 2) “n/a” – no data available; 3) all incomes are in RUB, not adjusted for inflation.

Источник: Solar Staff: среди фрилансеров самый высокий доход получают программисты [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1467750-frilans-dohod-issledovanie> (дата обращения: 29.05.2025); Исследование: доходы фрилансеров в 2024 году продолжают расти. URL: <https://digitalbroccoli.com/2024/10/21/report2024/>; Анализ рынка фриланса: итоги 2024 года...; Итоги года: Российский рынок фриланса в 2024 году...; Разбираем доходы фрилансера: сколько можно заработать и как избежать рисков. URL: <https://kredita.net/spravochnik/skolko-zarabatyvaet-frilanser/>

Source: Solar Staff: among freelancers, programmers receive the highest income [Online]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/news/1467750-frilans-dohod-issledovanie> (accessed 05.29.2025); Study: freelancers' incomes continue to grow in 2024. Available at: <https://digitalbroccoli.com/2024/10/21/report2024/>; Freelance market analysis: results of 2024...; Results of the year: Russian freelance market in 2024...; We analyze freelance income: how much you can earn and how to avoid risks. Available at: <https://kredita.net/spravochnik/skolko-zarabatyvaet-frilanser/>

Особенности платформенной занятости в России. Фриланс и платформенная занятость имеют как сходства, так и различия. Последние связаны с системой регулирования, характером взаимодействия сторон и применяемой экономической моделью (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Основные различия между фрилансом и платформенной занятостью
Table 2. Key differences between freelancing and platform employment

Показатель / Indicator	Фриланс / Freelance	Платформенная занятость / Platform Employment
Организация труда / Organization of work	Исполнитель договаривается непосредственно с заказчиком / The contractor negotiates directly with the customer	Работа через цифровую платформу / Work through a digital platform
Выбор заказов / Selecting orders	Фрилансер сам ищет клиентов / The freelancer searches for clients themselves	Задания распределяют алгоритмы / Tasks are distributed by algorithms
Оплата / Payment	Договорная (может быть фиксированной, почасовой, процентной) / Negotiable (can be fixed, hourly, percentage)	Тарифы устанавливает платформа (часто динамические, с учетом спроса) / Tariffs are set by the platform (often dynamic, based on demand)
Регулирование / Regulation	Договор гражданско-правового характера, самозанятость, индивидуальное предпринимательство / Civil law contract, self-employment, individual entrepreneur	Чаще всего самозанятость или статус независимого подрядчика / Most often self-employment or independent contractor status
Контроль качества / Quality control	Заказчик оценивает результат / The customer evaluates the result	Используются рейтинги, штрафы, система отзывов / Ratings, penalties, and a review system are used

Источник: составлено автором по материалам исследования.

Source: the table was compiled by the author based on research materials.

Платформенная занятость в России, в отличие от фриланса, постепенно оформляется в значимый сегмент национального рынка труда. Согласно оценкам НИУ ВШЭ, страна входит в число мировых лидеров по уровню платформенной занятости: в 2023 г. данный показатель достиг 4,4 %³³. В то же время, по сведениям Росстата, в 2024 г. насчитывалось 2 994 тыс. платформенно занятых³⁴, что на 14,1 и 17 % ниже значений 2023 и 2022 гг. соответственно³⁵.

Несмотря на общее сокращение, для отдельных групп населения подобная занятость сохраняет критическое значение, выступая в роли социального амортизатора. При этом общая численность платформенно занятых оказалась высокочувствительной к макроэкономической конъюнктуре: в периоды экономической нестабильности работники, для которых эта занятость не является критической, уходят с платформ, тогда как группа зависимых остается, что и создает видимость разнонаправленной динамики.

³³ Платформенная занятость в России: экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-10-16_platformennaya_zanyatost (дата обращения: 16.10.2024) ; Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: экспертный доклад [Электронный ресурс]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2024. 64 с. URL: <https://clck.ru/3Tpquv> (дата обращения: 04.05.2025).

³⁴ Итоги выборочного обследования рабочей силы...

³⁵ Данное расхождение является не статистической погрешностью, а прямым отражением методологических и сущностных противоречий гиг-занятости. Росстат фиксирует зарегистрированные трудовые отношения, которые в условиях правового вакуума нередко отсутствуют. В то же время аналитические исследования ориентированы на практику и охватывают весь спектр гиг-работы, включая неформальную, разовую и совместительскую деятельность, часто невидимую для официального учета. Таким образом, расхождение в данных обнажает главный парадокс: гиг-занятость массово существует в экономической реальности, но в значительной степени остается невидимой для традиционных институтов учета и регулирования.

В 2023–2024 годах наиболее вовлеченными оказались лица в возрасте 20–29, 30–39 и 40–49 лет³⁶. Доля молодежи (20–29 лет) среди платформенных занятых по основной работе увеличилась на 0,6 % при общем снижении их численности. Это позволяет говорить о постепенном замещении более старших возрастных групп молодыми специалистами. Объясняется оно лучшей адаптированностью поколения к цифровой среде и/или большей доступностью и гибкостью платформенной занятости по сравнению с традиционными каналами трудоустройства, что делает ее привлекательной для молодежи даже в условиях общего дефицита кадров в экономике. В группе 40–49 лет фиксируется рост доли занятых по дополнительной работе (0,7 %), тогда как по основной занятости показатели демонстрируют нисходящий тренд.

Для лиц среднего возраста платформы превращаются в инструмент компенсации недостаточности основного заработка либо формирования альтернативных источников дохода. Преобладание молодых и средневозрастных работников косвенно указывает на сужение возможностей для старших поколений, что может быть связано как с цифровым разрывом, так и со спецификой платформенного спроса, ориентированного на гибкость и скорость выполнения задач.

Образовательная структура платформенных занятых также обнаруживает системные противоречия. В 2022–2024 годах в основной занятости на платформах преобладали лица с высшим образованием (33,9 % в 2024 г.), однако с 2022 г. их доля сократилась на 14,3 %. Одновременно растет представительство специалистов со средним профессиональным образованием. На дополнительной работе высшее образование сохраняет лидерство (38,2 %³⁷), но среди мужчин больше тех, кто имеет среднее профессиональное образование. Это формирует двойной эффект: с одной стороны, расширяются возможности трудоустройства для разных образовательных групп, с другой – возникает конкуренция, способная снизить ценность документов об образовании (прежде всего высшем) как сигнала о квалификации для работодателей в гиг-секторе.

Выявляется и устойчивый гендерный дисбаланс. Хотя женщины в платформенной занятости демонстрируют более высокую образовательную планку (17,0 % с высшим образованием против 16,9 % у мужчин в 2024 г.), их общее представительство существенно ниже. Мужчины доминируют, особенно в сегменте среднего профессионального образования (19 против 21,8 % женщин с высшим образованием³⁸).

Эта диспропорция обусловлена скорее отраслевой структурой платформенной занятости, которая воспроизводит горизонтальную профессиональную сегрегацию, характерную для традиционного рынка труда. Согласно данным платформы Profi.ru, мужчины доминируют в категориях «ремонт и строительство», «такси и доставка», «грузоперевозки», тогда как женщины – в сферах репетиторства, бухгалтерских, юридических и бьюти-услуг, фотографии, организации мероприятий [24, с. 211]. Таким образом, гендерный дисбаланс на цифровых платформах является проекцией более глубоких структурных факторов, а не следствием специфических «цифровых» стереотипов.

³⁶ Итоги выборочного обследования рабочей силы...

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

При общероссийской тенденции к сокращению численности платформенных работников в 2022–2024 гг. наблюдается выраженная региональная дифференциация (табл. 3). Большинство федеральных округов демонстрируют отрицательную динамику, тогда как Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный показывают устойчивый рост (1,4, 2,2 и 4,3 % соответственно).

Таблица 3. Динамика платформенной занятости по федеральным округам РФ, тыс. чел.

Table 3. The dynamics of platform employment in the federal districts of the Russian Federation, thousand people

Федеральный округ / Federal District	Год / Year			Отклонение, % / Deviation, %	
	2022	2023	2024	2023 → 2022	2024 → 2023
Центральный / Central	989	891	661	– 9,91	– 25,81
Северо-Западный / North-Western	380	279	210	– 26,58	– 24,73
Южный / Southern	465	442	448	– 4,95	+ 1,36
Северо-Кавказский / North Caucasian	274	461	471	+ 68,25	+ 2,17
Приволжский / Volga	652	581	456	– 10,89	– 21,51
Уральский / Urals	271	224	208	– 17,34	– 7,14
Сибирский / Siberian	324	249	231	– 23,15	– 7,23
Дальневосточный / Far Eastern	146	117	122	– 19,86	+ 4,27

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы...

Source: Results of a sample survey of the workforce...

Примечание: данные федеральные округа РФ являются стандартной единицей макрорегионального статистического наблюдения, проводимого Росстатом; в настоящем исследовании они взяты, поскольку обеспечивают полное покрытие территории страны без пересечений и пробелов.

Note: these federal districts of the Russian Federation are the standard unit of macro-regional statistical observation conducted by Rosstat; in this study, they are used because they provide full coverage of the country's territory without any overlaps or gaps.

Показателен пример Северо-Кавказского федерального округа, где в 2023 г. зафиксирован взрывной рост на 68,2 %, сменившийся в 2024 г. скромными 2,2 %. Такой резкий перепад указывает на хрупкость модели занятости. При этом даже внутри успешных округов рост свойствен отдельным субъектам: Республике Дагестан (63,2 %) и Ставропольскому краю (16,5 %).

В Уральском и Сибирском федеральных округах, где отмечается общее снижение платформенной занятости на 30,3 и 40,3 % соответственно, наблюдается выраженная внутрирегиональная дифференциация: на фоне спада отдельные области демонстрируют рост (Челябинская – на 24,1 %, Иркутская – 26,3 %). Данная ситуация отражает объективную неравномерность социально-экономического развития, когда локальные драйверы (например, наличие кластера информационных технологий или региональных программ поддержки малого бизнеса) могут формировать тренды, противоположные среднеокружным.

При общем сокращении доли платформенных работников с 86,2 в 2022 до 79,7 % в 2024 г.³⁹ подобная занятость остается преимущественно

³⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы...

городским феноменом. Это создает новое измерение социального неравенства: население мегаполисов имеет доступ к современным формам занятости, а жители сельских территорий остаются на периферии цифровой трансформации рынка труда.

Данные Росстата демонстрируют, что платформенная занятость в России утрачивает массовый характер, но сохраняет значение для основных демографических групп. Существенная неоднородность в оценках масштабов платформенной занятости разных аналитических структур обусловлена различиями в объектах измерения, периодах и методологиях. Так, согласно совместному исследованию Avito и Data Insight (2020 г.), численность занятых в сегменте самозанятых и микробизнеса достигла 9,4 млн чел., а объем рынка – 6,2 трлн руб.⁴⁰ Прогноз РwC (до 2025 г.) фиксирует рост рынка гиг-экономики до 102,02 млрд долл. при среднегодовом темпе 20 %⁴¹. Данные Института социальной политики НИУ ВШЭ показывают увеличение доли платформенно занятых в возрасте 18–72 лет с 14,6 % в апреле 2022 года до 16 в апреле 2024⁴². Несмотря на разнородные абсолютные показатели, все приведенные позиции отмечают тенденцию роста платформенной занятости.

Указанное расхождение в данных Росстата и аналитических агентств также связано с институциональной неопределенностью. Хотя платформенные работники обязаны регистрироваться в качестве самозанятых или индивидуальных предпринимателей, их деятельность не подпадает под действие трудового законодательства. Отсутствие статуса наемного работника при фактическом выполнении трудовой функции порождает правовой вакуум: официальная статистика учитывает формальные договорные отношения, тогда как значительная часть занятости остается в зоне неполного учета. Таким образом, разногласия в данных выступают прямым индикатором институциональной неопределенности – разрыва между налоговой легализацией и отсутствием трудовых прав.

Результаты контент-анализа подтверждают, что обозначенная проблема не является единичной или локальной. В проанализированных научных публикациях наиболее распространенными индикаторами противоречий гиг-экономики стали «правовая неопределенность» (82 % источников), «социальная незащищенность» (76), «алгоритмический контроль» (58) и «региональная дифференциация» (44 %). Следовательно, расхождение статистических данных представляет собой закономерное проявление системных проблем.

Тенденции гиг-занятости в России (по данным Google Trends). Анализ запросов в Google Trends за 2020–2024 гг. позволяет зафиксировать устойчивый интерес населения России к формам гиг-занятости, хотя и разной интенсивности (рисунок).

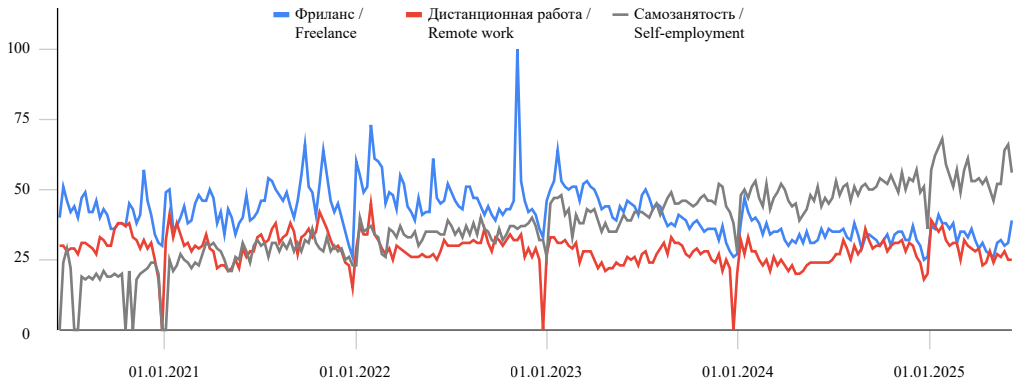
В период 14.06.2020 – 08.06.2025 гг. средний уровень интереса к фрилансу в России составил 41 %, к удаленной (дистанционной) работе – 29,

⁴⁰ Маркетинговое исследование Российский рынок услуг. Самозанятые исполнители и микробизнес 2020...

⁴¹ Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России...

⁴² Работа на платформе: почему россияне выбирают платформенную занятость [Электронный ресурс]. НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://isp.hse.ru/news/929451536.html> (дата обращения: 06.05.2025).

к самозанятости – 38 %⁴³. Нулевые значения по запросу «платформенная занятость» обнажают противоречие между академическим дискурсом и массовым сознанием. Данная дефиниция свойственна преимущественно научному контексту и не укоренилась в повседневных поисковых практиках. Население использует конкретные названия платформ или видов деятельности. Показатель запроса «дистанционная работа» (29 %) не стоит однозначно интерпретировать как интерес именно к гиг-занятости, поскольку дистанционная работа может реализовываться в рамках и гиг-экономики, и традиционной (наемной) занятости.

Р и с у н о к. Динамика популярности запросов в Google Trends по России, 14.06.2020 – 08.06.2025 гг.

F i g u r e. The dynamics of the popularity of queries in Google Trends in Russia, 14.06.2020 – 08.06.2025

Источник: здесь и далее материал подготовлен по данным Google Trends [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3TpwgA> (дата обращения: 14.06.2025).

Source: hereinafter in the article the material is prepared based on Google Trends data [Online]. Available at: <https://clck.ru/3TpwgA> (accessed 14.05.2025).

Примечание: динамика популярности обозначает уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю для определенного региона и периода времени: 100 баллов – наивысший уровень, 50 – уровень вдвое меньший по сравнению с первым случаем, 0 баллов – недостаточность данных.

Note: the popularity dynamics indicate the level of interest in a topic in relation to the highest indicator for a certain region and time period: 100 points is the highest level, 50 is a level half that of the first case, 0 points means insufficient data.

Тем не менее наибольший интерес пользователей сосредоточен на фрилансе и самозанятости – формах, непосредственно ассоциируемых с гиг-экономикой. Этот факт подтверждает устойчивый общественный запрос на нестандартные, гибкие, формы занятости, что составляет основу противоречия между динамикой общественных устремлений и инерцией институциональной среды.

В территориальном разрезе указанные формы занятости присутствуют во всех субъектах РФ, однако по результатам анализа поисковых запросов с ранжированием по федеральным округам и отбором регионов-лидеров выявлены устойчивые региональные предпочтения (табл. 4).

⁴³ Google Trends...

Т а б л и ц а 4. Регионы – лидеры по запросам в Google Trends в разрезе «фриланс – дистанционная занятость – самозанятость», %

Table 4. Leading regions in terms of queries in Google Trends in the context of “freelance – remote employment – self-employment”, %

Регион / Region	Фриланс / Freelance	Дистанционная работа / Remote work	Самозанятость / Self-employment
<i>Уровень интереса к теме «фриланс» / Interest level in the topic freelance</i>			
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	50	26	24
Магаданская область / Magadan Region	47	19	34
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	46	23	31
Амурская область / Amur Region	46	27	27
Республика Тыва / Republic of Tuva	45	20	35
<i>Уровень интереса к теме «дистанционная занятость» / Interest level in the topic remote work</i>			
Смоленская область / Smolensk Region	38	33	29
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	40	32	28
Московская область / Moscow Region	36	32	32
Тверская область / Tver Region	39	32	29
Орловская область / Orel Region	40	31	29
<i>Уровень интереса к теме «самозанятость» / Interest level in the topic self-employment</i>			
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	29	13	58
Чеченская Республика / Chechen Republic	29	13	58
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	30	19	51
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayev-Cherkessian Republic	30	21	49
Астраханская область / Astrakhan Region	33	21	46

Как видно из таблицы 4, для северных и дальневосточных регионов характерно доминирование запросов по фрилансу, что связано с географической удаленностью и меньшим разнообразием формальной занятости в офисных и профессиональных сферах по сравнению с центральными территориями, – фриланс здесь выступает альтернативой или дополнением к официальному трудоустройству.

Центральные области, напротив, демонстрируют повышенный спрос на дистанционную работу, что отражает их интеграцию в цифровую экономику при сохранении корпоративных форм занятости. Запросы распределены более равномерно, что указывает на сбалансированный интерес ко всем видам гибкой занятости.

В южных республиках (например, в Дагестане, Чечне) ярко выражен акцент на самозанятости. Это может объясняться как культурными особенностями (развитием малого предпринимательства), так и ограниченными возможностями традиционного рынка труда.

Анализ содержания запросов обнаруживает специфику: в разделе «фриланс» преобладают поиски бирж и возможностей заработка; в разделе «дистанционная

работа» – отзывы о работе на маркетплейсах (в частности, Wildberries) и запросы об удаленной работе без коммуникаций; в разделе «самозанятость» фигурируют запросы о том, как снять этот статус, а также о связи самозанятости с получением пособий.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты указывают на системные противоречия и парадоксы, возникающие при наложении гиг-экономики на российскую институциональную среду. В отличие от западных исследований, где акцентируется глобально-локальный регуляторный разрыв [2; 3; 7], в российской модели противоречия имеют более глубокий, многоуровневый характер. Согласно представленным эмпирическим данным, гибкость занятости здесь вступает в противоречие и с трудовым законодательством (правовой неопределенностью статуса, отсутствием социальных гарантий), и с фактической структурой региональных рынков (дифференциацией платформенной занятости по федеральным округам, локальными очагами роста на фоне общерегионального спада), и со сложившимися образовательными траекториями (сокращением доли занятых с высшим образованием при росте представительства специалистов со средним профессиональным образованием), и с гендерными стереотипами, которые воспроизводятся на цифровых платформах (доминированием мужчин в одних видах деятельности, женщин – в других).

Неоднородность проявления противоречий характерна как для макрорегионов, так и для территорий внутри них. Отдельные субъекты демонстрируют рост на фоне общего спада по округу, а внутри успешных округов прирост концентрируется в ограниченном числе локаций. Это означает, что эффекты гиг-экономики зависят не столько от федеральной или окружной политики, сколько от локальной конфигурации (наличия кластеров информационных технологий, уровня цифровой грамотности, активности малого бизнеса). Урбанистический разрыв закрепляет новое измерение неравенства – доступ к гибкой занятости остается привилегией крупных агломераций.

Сопоставление официальной статистики и данных аналитических агентств обнаруживает устойчивое расхождение, которое не может быть объяснено только различиями в методах сбора информации. Его природа – институциональная. Росстат отражает лишь зарегистрированные трудовые отношения, тогда как аналитика охватывает сегмент неформальной, разовой и дополнительной занятости, в значительной степени остающийся вне поля зрения государства. Следовательно, само измерение гиг-экономики сталкивается с противоречием: чем выше доля неформальной занятости, тем менее адекватными становятся традиционные инструменты учета и регулирования.

Анализ поисковых запросов Google Trends, при всей его косвенности, позволил получить сведения, которые отсутствуют в официальной статистике и дополняют ее по ряду аспектов, в частности:

– выявлена устойчивая территориальная дифференциация интереса к формам гиг-занятости (доминирование фриланса в северных и дальневосточных регионах, повышенный интерес к самозанятости в республиках Северного Кавказа и Юга России);

– латентные тренды (рост запросов о работе на маркетплейсах (Wildberries, Ozon) как форме дистанционной занятости, а также запросы о снятии статуса самозанятого и о связи самозанятости с получением социальных пособий);

– адаптационные стратегии населения (использование фриланса как альтернативы при географической удаленности, самозанятости – в качестве инструмента доступа к социальным выплатам, дистанционной работы – как способа минимизации коммуникаций).

Без учета этих данных анализ рынка труда в контексте цифровой трансформации остается неполным.

Выводы контент-анализа научных публикаций наряду с данными официальной статистики, аналитических отчетов и поисковых запросов способствовали выявлению устойчивых количественных соотношений встречаемости ключевых индикаторов противоречий. Это учитывалось при разработке предлагаемой типологизации универсальных и специфических противоречий гиг-экономики.

1. Универсальные противоречия, присущие обеим формам гиг-занятости, группируются в четыре блока. Правовая неопределенность порождает коллизии между гибкостью и необходимостью формализации, а также риски двойного налогообложения при фактическом отсутствии социальной защиты. Качественные противоречия рынка труда складываются из образовательного парадокса, гендерной и возрастной асимметрии, стратегической дивергенции между основной и дополнительной занятостью. Территориальные и структурные противоречия включают несовпадение общероссийских и локальных трендов, внутрорегиональные диспропорции, устойчивый урбанистический разрыв и высокую волатильность. Социальные риски выражаются в отсутствии пенсионных отчислений и медицинского страхования, нестабильности доходов, а также в конфликте между декларируемой автономией работника и реальным алгоритмическим контролем.

2. Специфические противоречия различаются. Для фриланса центральной проблемой выступает отсутствие систематического учета, что искажает реальные масштабы занятости и исключает работников из институционального поля. Волатильность доходов здесь зависит от прямых договоренностей с заказчиками, создавая риски неоплаты. Рост числа фрилансеров усиливает конкуренцию в популярных нишах, потенциально снижая доходы новичков.

Для платформенной занятости основным становится демографическое противоречие: общее сокращение численности сочетается с избирательной востребованностью среди молодежи и лиц среднего возраста. Разрыв между основной и дополнительной занятостью указывает на то, что формально декларируемая гибкость оборачивается фактическим сужением возможностей для части работников. Кроме того, платформы диктуют тарифы, распределяют задания и оценивают качество через рейтинги и штрафы; контроль здесь оказывается более жестким, чем в классическом фрилансе.

Почему же при общероссийской тенденции к сокращению платформенной занятости растет ее доля среди молодежи и отмечаются взрывные всплески в отдельных регионах? Причина – в разнонаправленных адаптационных стратегиях занятости. Для молодежи платформы становятся буфером между

формальным образованием и нестабильным первичным рынком труда; для регионов с хронически высокой безработицей – выполняют функцию социального амортизатора, но крайне хрупкого. Резкие подъемы сменяются столь же резкой стагнацией, обнаруживая отсутствие долгосрочных институциональных якорей.

Сопоставление с теорией трансформации труда [9; 21] и выводом М. Ю. Кошмарова [16] о приватизации рынка труда подтверждает, что российская модель демонстрирует наложение этого процесса на незавершенную институционализацию самозанятости и отсутствие легального статуса фрилансера. На глобальном уровне гиг-экономика размывает бинарную модель «работник–работодатель» [2]. В России этот процесс накладывается на незавершенную институционализацию самозанятости и отсутствие легального статуса фрилансера. Результат – сосуществование значительного числа гиг-работников с юридической неопределенностью, когда ни одна из сторон не может полноценно защитить свои права. В отличие от европейских стран, где профсоюзы уже вырабатывают адаптационные модели, российская гиг-экономика функционирует в режиме регуляторного вакуума, что усугубляется атомизацией работников.

Полученные результаты имеют границы применимости. Они валидны для российской институциональной среды и не могут быть механически экстраполированы на страны с иной системой социального обеспечения. Выводы о региональной дифференциации применимы прежде всего на макрорегиональном уровне; для анализа малых городов и сельских поселений требуется отдельное исследование.

Ограничения исследования связаны с несколькими факторами. Официальная статистика не охватывает значительную часть неформальной гиг-занятости. Данные фриланс-платформ отражают только зарегистрированных пользователей и смещены в сторону активных цифровых профессий. Сведения в разрезе регионов доступны в основном на уровне федеральных округов, ограничивая детализацию пространственного анализа. Поисквые запросы показывают интерес, но не всегда коррелируют с реальными поведенческими паттернами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: развитие гиг-экономики в России действительно порождает глубокие противоречия между потребностями гибкого рынка труда и сохраняющимися институциональными ограничениями, специфичными для российской социально-экономической модели. При этом гиг-экономика не снимает, а обнажает фундаментальные противоречия, заложенные в самой модели гибкой занятости.

Разработана типология противоречий гиг-экономики (универсальных и специфических для фриланса и платформенной занятости), а также эмпирически верифицирована на российских данных.

Основных эмпирических выводов три:

а) фриланс демонстрирует устойчивый многолетний рост, который, однако, сопровождается отсутствием специально предназначенного правового статуса (существующие формы – самозанятость, индивидуальное предпринимательство – не в полной мере соответствуют реальным трудовым отношениям), системного учета и социальных гарантий. Доходы высококвалифицированной части специалистов растут, но значительная доля фрилансеров (см. табл. 1) остается в зоне низких и нерегулярных заработков;

б) платформенная занятость в абсолютных цифрах сокращается, но сохраняет значимость для молодежи и лиц среднего возраста, которые используют платформы как источник дополнительного дохода. В регионах с напряженной ситуацией на рынке труда фиксируются нестабильные всплески платформенной занятости, что указывает на ее роль социального амортизатора последней инстанции;

в) региональная дифференциация гиг-занятости имеет системный характер. Урбанистический разрыв, поляризация фриланса и самозанятости в разных частях страны, а также устойчивое расхождение официальной статистики и аналитических данных указывают на глубокий институциональный раскол. Гиг-экономика стала реальностью для миллионов граждан, но остается невидимой для традиционных механизмов учета и регулирования.

Практическая значимость результатов реализуется в следующих направлениях. Во-первых, требуется закрепить четкий статус фрилансера и платформенного работника, адаптировать трудовое законодательство и обеспечить указанным категориям доступ к базовым социальным гарантиям. Во-вторых, в условиях атомизации работников необходимо развивать альтернативные институты поддержки (например, цифровые каналы солидарности, профессиональные сообщества, модель «профсоюз как сервис»). В-третьих, для смягчения региональных и социальных диспропорций следует создавать опорные цифровые площадки в малых городах, вводить адресную поддержку для возрастных гиг-работников и стимулировать платформы к прозрачности в оплате труда.

Перспективы исследований связываются с расширением объекта на муниципальный уровень, где разрыв между официальной статистикой и реальностью, вероятно, еще более значителен. Углубление предмета предполагает изучение долгосрочных эффектов гиг-экономики в контексте профессиональной идентичности, карьерных траекторий и межпоколенческой мобильности. Переход от фиксации противоречий к анализу реализованных траекторий адаптации позволит определить, какие модели социальной защиты и самоорганизации показали эффективность в российских условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лapidус Л.В., Полякова Ю.М. Гигномика: новые возможности для цифровой трансформации бизнеса в условиях высокой турбулентности цифровой среды. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022;(5):23–46. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_23_46
2. De Ruyter A., Brown M. *The Gig Economy*. Agenda Publishing; 2019. 120 p. (The Economy Key Ideas.) <https://doi.org/10.1017/9781788210065>
3. Andersen M., Spanger M. Gig Work in Transnational Spaces: Infrastructures of Migration and the Simultaneous Lives of Migrants in the Gig Economy. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2024;50(15):3751–3767. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2024.2379643>
4. Глотова Н.И., Герауф Ю.В. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях. *Экономика Профессия Бизнес*. 2021;(4):22–27. <https://doi.org/10.14258/epb202151>
5. Колесник Е.А., Половинко В.С. Влияние процессов глобализации на сферу труда: путь к деглобализации и структурной трансформации. *Дискуссия*. 2023;(121):83–94. URL: <https://clck.ru/3TqN58> (дата обращения: 24.05.2025).

6. Mohideen A.J.H., Khatoon S., Shwetha G.Y., Singh S., Rafee M.B. GIG Economy: Emerging Trends and Challenges after Globalisation. *Journal of Neonatal Surgery*. 2025;14(85):377–383. <https://doi.org/10.52783/jns.v14.2551>
7. Tug M.A., Basar P. Future of the Gig Economy. *Journal of Business, Economics and Finance*. 2023;17(1):230–231. <https://www.elibrary.ru/jhlssy>
8. Пономарченко А. Е. Правовой статус занятости в условиях развития гиг-экономики. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2022;12(6):50–60. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-50-60>
9. Нехода Е.В., Пань Л. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху. *Экономика труда*. 2021;8(9):897–916. <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113408>
10. Чжао А., Воронов А.С. Парадокс реальности в гиг-экономике: возможности, проблемы и пути прорыва. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2023;20(2):27–45. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45>
11. Шевчук А.В. Теоретизирова цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики. *Экономическая социология*. 2023;24(5):11–53. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53>
12. Orr W., Henne K., Lee A., Harb J.I., Alphonso F.C. Necrocapitalism in the Gig Economy: The Case of Platform Food Couriers in Australia. *Antipode*. 2022;55(1):200–221. <https://doi.org/10.1111/anti.12877>
13. Zhang J., Xue J., Deng Y., Li Z., Li Y. To Be (Safe), or Not to Be (Safe)? A Daily Exploration of Why and When Gig Workers Stay Safe under Customer Demands. *Journal of Organizational Behavior*. 2025;46(7):1038–1056. <https://doi.org/10.1002/job.2874>
14. April K. Precarious Work in the Gig Economy: Diversity, Race and Indigeneity Lenses. In: Meliou E., Vassilopoulou J., Ozbilgin M.F. (eds) *Diversity and Precarious Work During Socio-Economic Upheaval: Exploring the Missing Link*. Cambridge University Press; 2024. P. 137–162. <https://doi.org/10.1017/9781108933070.008>
15. Васильев А.С. Особенности и проблемы в сфере охраны труда работников gig-экономики. *Вестник Института экономических исследований*. 2023;(4):53–59. URL: <https://elck.ru/3TqStM> (дата обращения: 24.05.2025).
16. Кошмаров М.Ю. Пропагандистские аспекты культурной либерализации в конфликте западной и коммунистической систем. *Мировая политика*. 2024;(1):58–81. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.1.69853>
17. Endress T. Disruption and the Gig Economy: What's Next? In: Endress T., Badir Y.F. (eds) *Business and Management in Asia: Disruption and Change*. Springer, Singapore; 2024. P. 109–122. https://doi.org/10.1007/978-981-99-9371-0_7
18. Demir İ. Errand Runners of Digital Platform Capitalism: The Errand Economy as a Contribution to the Discussion on the Gig Economy. *tripleC: Communication, Capitalism and Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2024;22(1):86–103. <https://doi.org/10.31269/triplec.v22i1.1438>
19. Бобков В.Н. 18 рефлексий о современном обществе и образ будущего России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022;18(3):409–414. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.12>
20. Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху. *Социально-трудовые исследования*. 2021;(3):32–44. URL: <https://elck.ru/3U7WFN> (дата обращения: 24.05.2025).
21. Шевчук А.В. Труд и власть в российской модели платформенного капитализма. *Социология власти*. 2022;34(3/4):128–155. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-128-155>
22. James A. Platform Work-Lives in the Gig Economy: Recent Work-Family Research. *Gender, Work and Organization*. 2024;31(2):513–534. <https://doi.org/10.1111/gwao.13087>
23. Колесник Е.А. Информатизация экономического пространства России: приоритет в выборе форм занятости. *Modern Economy Success*. 2020;(6):160–166. <https://elibrary.ru/fnxgfw>
24. Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(2):202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11>

REFERENCES

1. Lapidus L.V., Polyakova Yu.M. Gig Economy: The New Opportunities for Business Digital Transformation under High Turbulent Digital Environment. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2022;(5):23–46. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_23_46
2. De Ruyter A., Brown M. The Gig Economy. Agenda Publishing; 2019. 120 p. (The Economy Key Ideas.) <https://doi.org/10.1017/9781788210065>
3. Andersen M., Spanger M. Gig Work in Transnational Spaces: Infrastructures of Migration and the Simultaneous Lives of Migrants in the Gig Economy. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2024;50(15):3751–3767. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2024.2379643>
4. Glotova N.I., Gerauf Yu.V. Platform Employment is the Main Trend of Labor Market Development in Modern Conditions. *Economics Profession Business*. 2021;(4):22–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14258/epb202151>
5. Kolesnik E.A., Polovinko V.S. The Influence of Globalization Processes on the Sector of Labor: The Path to Deglobalization and Structural Transformation. *Discussion*. 2023;(121):83–94. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3TqN58> (accessed 24.05.2025).
6. Mohideen A.J.H., Khatoon S., Shwetha G.Y., Singh S., Rafee M.B. GIG Economy: Emerging Trends and Challenges after Globalisation. *Journal of Neonatal Surgery*. 2025;14(85):377–383. <https://doi.org/10.52783/jns.v14.2551>
7. Tug M.A., Basar P. Future of the Gig Economy. *Journal of Business, Economics and Finance*. 2023;17(1):230–231. <https://www.elibrary.ru/jhlssy>
8. Ponomarchenko A.E. The Legal Status of Employment in the Context of the Development of the Gig Economy. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(6):50–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-50-60>
9. Nekhoda E.V., Pan L. Transformation of the Labor Market and Employment in the Digital Age. *Russian Journal of Labour Economics*. 2021;8(9):897–916. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113408>
10. Zhao A., Voronov A.S. The Paradox of Reality in the Gig Economy: Opportunities, Challenges and Breakthrough Paths. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2023;20(2):27–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45>
11. Shevchuk A.V. Theorizing Digital Platforms: A Conceptual Framework for the Gig Economy. *Journal of Economic Sociology*. 2023;24(5):11–53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-11-53>
12. Orr W., Henne K., Lee A., Harb J.I., Alphonso F.C. Necrocapitalism in the Gig Economy: The Case of Platform Food Couriers in Australia. *Antipode*. 2022;55(1):200–221. <https://doi.org/10.1111/anti.12877>
13. Zhang J., Xue J., Deng Y., Li Z., Li Y. To Be (Safe), or Not to Be (Safe)? A Daily Exploration of Why and When Gig Workers Stay Safe under Customer Demands. *Journal of Organizational Behavior*. 2025;46(7):1038–1056. <https://doi.org/10.1002/job.2874>
14. April K. Precarious Work in the Gig Economy: Diversity, Race and Indigeneity Lenses. In: Meliou E., Vassilopoulou J., Ozbilgin M.F. (eds) *Diversity and Precarious Work During Socio-Economic Upheaval: Exploring the Missing Link*. Cambridge University Press; 2024. P. 137–162. <https://doi.org/10.1017/9781108933070.008>
15. Vasiliev A.S. Features and Challenges in Labor Protection of Gig Economy Workers. *Economic Research Institute Journal*. 2023;(4):53–59. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3TqStM> (accessed 24.05.2025).
16. Koshmarov M.Y. Propaganda Aspects of Cultural Liberalization in the Conflict between the Western and Communist Systems. *World Politics*. 2024;(1):58–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.1.69853>
17. Endress T. Disruption and the Gig Economy: What's Next? In: Endress T., Badir Y.F. (eds) *Business and Management in Asia: Disruption and Change*. Springer, Singapore; 2024. P. 109–122. https://doi.org/10.1007/978-981-99-9371-0_7

18. Demir İ. Errand Runners of Digital Platform Capitalism: The Errand Economy as a Contribution to the Discussion on the Gig Economy. *tripleC: Communication, Capitalism and Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2024;22(1):86–103. <https://doi.org/10.31269/triplec.v22i1.1438>
19. Bobkov V.N. 18 Reflections on Modern Society and the Image of the Future of Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):409–414. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.12>
20. Sadovaya E.S. Formation of the Labor Market Inequality in the Digital Age. *Social and Labor Research*. 2021;(3):32–44. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3U7WFN> (accessed 24.05.2025).
21. Shevchuk A.V. Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism. *Sociology of Power*. 2022;34(3/4):128–155. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-128-155>
22. James A. Platform Work-Lives in the Gig Economy: Recentering Work-Family Research. *Gender, Work and Organization*. 2024;31(2):513–534. <https://doi.org/10.1111/gwao.13087>
23. Kolesnik E.A. Informatization of the Russian Economic Space: Priority in Choosing Forms of Employment. *Modern Economy Success*. 2020;(6):160–166. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/fnxgfw>
24. Baimurzina G.R., Chernykh E.A. Platform Employment Specifics in Russia: What the Data of Workers' Online Profiles Indicate. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(2):202–219. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11>

Об авторе:

Колесник Елена Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5678-2257>, Researcher ID: P-2746-2017, Scopus ID: 57205248526, SPIN-код: 3908-2820, kolesnikea@tyuiu.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.06.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

About the author:

Elena A. Kolesnik, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen (38 Volodarskogo St., Tyumen 625000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5678-2257>, Researcher ID: P-2746-2017, Scopus ID: 57205248526, SPIN-code: 3908-2820, kolesnikea@tyuiu.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 27.06.2025; revised 20.10.2025; accepted 30.10.2025.